

Ся Чэнь увлек Нань-гээра в сторону, освобождая дорогу. Девушка вежливо склонила голову в знак приветствия и в сопровождении двух служанок, бережно поддерживавших ее под локти, скрылась за боковой дверью.

Провожавший гостей управитель резиденции генерала Фу заранее распорядился подготовить экипаж.

— На улице морозно, да и дороги обледенели, — предупредительно промолвил он. — Поезжайте лучше в экипаже, так и хозяйка будет спокойна. А если пожелаете отправиться куда-нибудь еще, только скажите Хэ Саню, он мигом вас доставит.

Хэ Сань оказался кучером. Ся Чэнь тепло поблагодарил управителя и помог Нань-гээру подняться в повозку. Когда они выходили из дома, погода казалась вполне сносной, а теперь с неба сыпалась мелкая ледяная крупа. Не хватало еще простудиться в самый неподходящий момент.

Стоило им устроиться внутри и задернуть плотный полог, как Нань-гээр взволнованно зашептал:

— Ой, дядюшка, а барышня-то какая красавица!

В своей глухой деревне он отродясь не видывал столь прелестных лиц. На его взгляд, юная особа была похожа на его любимое лакомство — нежный пирог из клейкого риса с красными бобами, который так и подмывало укусить.

— Что за глупости ты несешь! — Ся Чэнь осадил племянника строгим взглядом, призывая замолчать.

Нань-гээр редко видел, чтобы его обычно добродушный дядюшка сердился. Он испуганно вжал голову в плечи и больше не смел проронить ни слова.

Кучер доставил их прямо к дверям павильона Восхождения на Облака. Он услужливо поинтересовался, не нужно ли помочь донести до комнат ответные дары из генеральского поместья, но Ся Чэнь вежливо отказался. На прощание он щедро одарил возницу мелким серебром и отпустил его.

Поднявшись наверх, Нань-гээр не пошел к себе, а юркнул следом за дядюшкой в его комнату и выжидающе уставился на него.

Ся Чэнь принял вещи и со вздохом укорил его:

— Эх ты, язык без костей! Полог в повозке тонкий, разве он защитит от чужих ушей? Как можно столь легкомысленно обсуждать благородных дам?

— Но я же ничего плохого не сказал... — едва слышно пробурчал Нань-гээр.

— Вообще ничего нельзя говорить! — Ся Чэнь с досадой отвесил племяннику легкий щелчок по лбу. — Ты разве не заметил, что у нее прическа замужней женщины?

— А? Да ладно! Она же совсем девчонка на вид! — Нань-гээр потер лоб, округлив глаза от изумления. Он так засмотрелся на миловидное личико, что совершенно не обратил внимания на укладку волос.

И то верно — барышня была совсем юна. Но если Ся Чэнь не ошибался, в генеральском поместье жила лишь одна молодая замужняя дама такого возраста — несостоявшаяся невеста четвертого молодого господина Фу, который сбежал прямо со свадьбы.

Тогда Фу Чжань, бросив невесту, уехал на границу, в самую гущу сражений. Кто бы посмел насильно притащить его обратно для супружеского ложа? Даже суровый генерал Фу не решился бы на подобное требование.

В итоге генерал отправил весть в столицу: коли брошенная девица пожелает вернуться в родной дом, никто ее удерживать не станет. Генеральское поместье признавало свою вину перед ней, отказывалось от всех свадебных даров и обещало щедрое возмещение ущерба. Однако девушка решила не возвращаться к родителям, а осталась жить в семье Фу.

— В общем, веди себя прилично и помалкивай, — пригрозил Ся Чэнь. — Не то по возвращении я все твоему отцу расскажу, уж он-то из тебя всю дурь выбьет.

Эта угроза подействовала безотказно: Нань-гээр испуганно зажал рот ладонями и замотал головой. Только после этого Ся Чэнь позволил ему уйти к себе.

К полудню снегопад усилился. Ся Чэнь приоткрыл окно, и в комнату ворвался холодный порыв ветра, закружив горсть пушистых снежинок. Он поспешно затворил ставни. На душе сделалось тревожно: если метель не утихнет, как завтра подниматься на гору?

Перед отъездом дядюшка Лю Сы подробно расписал ему, в каких лавках Императорской столицы подают лучшие традиционные кушанья. Ся Чэнь планировал обойти их все, но непогода спутала карты: тащиться через полгорода ради сытного обеда в такой буря казалось безумием. Позвав племянника, он спустился в трактир при павильоне, надеясь перебиться местной стряпней, хотя вчерашний ужин их совсем не впечатлил — еда здесь была скудной и пресной.

Каково же было его удивление, когда внизу он увидел постояльца, забиравшего доставленный заказ. Оказалось, еду привезли из какого-то знаменитого заведения Императорской столицы. Бамбуковый короб укутали в плотное ватное одеяло, и стоило его снять, как по залу разнесся упоительный аромат наваристого бульона.

Ся Чэнь и подумать не мог, что в эти древние времена всю процветает доставка готовых блюд. Заметив, как у курьера толпятся другие желающие сделать заказ, он быстро посоветовался с Нань-гээр и тоже справил себе обед.

Внеся половину стоимости в качестве залога, они прождали около получаса, пока не принесли их судки. Суп подали в глиняном горшочке; он уже слегка остыл, но оставался приятно горячим — в самый раз, чтобы согреться.

После обеда снегопад разыгрался пуще прежнего. Ся Чэнь совсем пал духом, решив, что завтрашнюю поездку придется отложить.

Однако ближе к четырем часам пополудни небо внезапно прояснилось. Сквозь тучи несмело пробилось солнце. И пусть грело оно слабо, а сугробы до самого заката едва ли подталяли, погода явно брала курс на улучшение.

На следующее утро Ся Чэнь, разбуженный неумолимым голосом Ся Тунбана, долго боролся с искушением остаться в постели, но все же пересилил себя. С грехом пополам выбравшись из-под теплого одеяла, он, мелко дрожа от утренней стужи, натянул одежду.

Взглянув в окно, он отметил, что денек выдался ни то ни се: небо затянуло серой хмарью, но новых осадков не предвиделось. На мостовой лежала истоптанная, грязная снежная каша.

Ся Чэнь умылся горячей водой, которую принес слуга, привел себя в порядок и постучал в соседнюю дверь.

Нань-гээр предстал перед ним заспанный и взъерошенный — его явно только что подняли с постели. Ся Чэнь сразу перешел к делу:

— Я отправляюсь в пригород, в храм Баочэн, совершить подношение. Сможешь провести этот день один? Я оставлю тебе денег. Если распогодится, пройдишь по улочкам, только не уходи далеко, чтобы не заблудиться.

Сон у Нань-гэера как рукой сняло. Он отчаянно замотал головой:

— Ну уж нет, я поеду с тобой!

Город был ему чужд, и он не на шутку тревожился, как бы его юный дядюшка сам где-нибудь не заплутал.

Прочитав эти мысли на его лице, Ся Чэнь шутливо ткнул его пальцем в бок:

— Скорее ты потеряешься, чем я. Не переживай. Если я не вернусь к вечеру, ступай прямиком

к своему наставнику.

С этими словами он мягко подтолкнул племянника обратно в комнату, велел тому либо досыпать, либо вставать к завтраку, поскольку сам он уже был полностью собран и готов к выходу.

Нань-гээр не посмел спорить и лишь молча проводил взглядом Ся Чэня, закинувшего за плечи легкий дорожный коробок.

Спустившись на улицу, Ся Чэнь направился к извозчикам, как его и учили в трактире, нанял повозку и велел везти себя к подножию горы, где высился храм Баочэн.

Кучером оказался опытный старик. Дороги вокруг Императорской столицы содержались в отменном порядке, так что под свист кнута лошадь бодро бежала рысцой, и меньше чем через полчаса они уже прибыли на место.

Поскольку основную плату он внес еще на постоялом дворе, Ся Чэнь просто одарил возницу пригоршней медных монет на чай. Обрадованный старик указал наверх:

— Ступайте прямо по этой каменной лестнице, молодой господин. Часа через два как раз выйдете к главным воротам храма Баочэн.

Поблагодарив его, Ся Чэнь начал подъем.

Должно быть, из-за вчерашнего бурана и утренней стужи других паломников на пути не оказалось — на засыпанных ступенях не виднелось ни единого следа. Чем выше он поднимался, тем холоднее становился воздух и тем глубже были сугробы. Ступени укрывал нетронутый белоснежный ковер, а вековые сосны по обеим сторонам тропы стояли, припорошенные пушистыми шапками — зеленый низ, белый верх, неопишуемая красота.

Ся Чэнь шел не торопясь, любуясь зимними видами. Вокруг царило великое безмолвие. Лишь тихий хруст снега под его сапогами да редкие глухие шлепки сорвавшихся с веток снежных комьев нарушали покой уснувшего леса.

Выше по склону тишина становилась все глубже, а мороз — крепче. Движение согревало тело, однако ледяные порывы ветра нещадно кусали лицо, заставляя кожу гореть.

Ся Чэнь решил передохнуть в придорожной беседке. Он снял коробок и выудил оттуда пушистые меховые наушники и теплый воротник. Эти диковинные вещицы сшили его старший брат Ся Далан и невестка по его собственным эскизам.

Наушники напоминали те, что носят в современном мире: каркас Ся Далан изготовил из гибкой бамбуковой щепы, проложил внутри толстым слоем ваты и обтянул мягкой кроличьей

шкуркой. Белые пушистые шарики выглядели чрезвычайно уютно.

Воротник-горжетка был сделан из того же кроличьего меха и застегивался на крупную пуговицу. Плотное белоснежное кольцо надежно защищало шею от сквозняков, смотрясь при этом очень стильно.

Надев обновки, Ся Чэнь достал термос, чтобы глотнуть горячей воды. Эту вещь он когда-то выиграл в системную лотерею. Внешне прибор походил на обычную глиняную кружку с крышкой благодаря качественному эмалированному покрытию, так что за лишние глаза можно было не опасаться.

Едва он открутил крышку, как до ушей его донесся отчетливый скрип шагов по снегу и тихий мужской говор.

Сгорая от любопытства, Ся Чэнь выглянул наружу. Кому еще взбрело в голову взбираться на кручу в такую глухую пору? Будь эти путники дружелюбными, можно было бы пойти вместе — все веселее, а то в заснеженном безмолвном лесу в одиночку становилось не по себе.

Вскоре на извивах каменной лестницы показались две фигуры. Взгляд Ся Чэня мгновенно приковало к идущему впереди мужчине, и он буквально застыл на месте от изумления.

Среди бескрайней белизны высился человек с кожей белее снега и волосами чернее смолы, облаченный в одно лишь просторное алое одеяние. Ветер трепал полы его халата, отчего казалось, будто путника окутывают языки яростного пламени.

У него был величественный, благородный облик: темные глаза сияли глубоким, непроглядным блеском, словно впитывая весь окружающий свет. Исключительная бледность лица казалась почти прозрачной на фоне сугробов, выгодно подчеркивая сочные, алые губы. Красота этого незнакомца казалась неестественной, пугающей — он походил скорее на могущественного горного духа, принявшего человеческое обличие.

Вэнь Шу почувствовал на себе чей-то пристальный, не скрывающий восхищения взор. Повернув голову к дорожной беседке, он заметил там очаровательного паренька, замершего подобно испуганному кролику.

В последние недели его душевное состояние оставляло желать лучшего. Его прирученный маленький плутишка не подавал о себе вестей уже больше месяца. Конечно, тот заранее предупреждал, что в дороге общаться будет трудно, и Вэнь Шу все понимал. Он уверял себя, что два месяца разлуки — пустяк, ведь потом они увидятся вновь.

Но стоило пройти двум-трем дням, как тоска сменилась глухим раздражением. Без привычного веселого щебетания по вечерам в доме стало невыносимо пусто, и Вэнь Шу напрочь лишился сна.

Его нынешнему телу требовалось совсем немного времени на отдых, но из-за затяжной бессонницы его и без того взвинченные нервы натянулись как струна.

Осознавая, что находится на грани безумия, он в одиночку ушел в горы. Там он голыми руками растерзал рыщущего в поисках добычи волка, который пытался на него напасть. Опыненный запахом крови, он впился зубами в плоть зверя, но, придя в себя, ощутил лишь глубокое отвращение к липкому металлическому привкусу во рту.

Вернувшись в уединенную усадьбу, Вэнь Шу велел Чжэлю достать всевозможных фруктов и сладостей, нанял искусную кухарку, а также раздобыл игры, популярные среди молодежи Императорской столицы, вроде туху и шуанлу. Кроме того, он строго-настрого приказал слуге обращаться с ним как с незрячим. Перед новоприбывшими слугами он уже всю разыгрывал слепоту.

Поначалу он притворился слепым вовсе не со зла, а лишь ради того, чтобы разговорить этого маленького плутишку. Но вскоре смекнул: его «недуг» вызывает у того искреннюю жалость. Стоило Вэнь Шу прикинуться слабым или пожаловаться на боль, как он тут же получал в ответ поток нежных слов и заботы, а любые его прихоти исполнялись без лишних вопросов.

Распробовав выгоду, он продолжил этот спектакль. Впрочем, умом он понимал: если обман раскроется, гнева не миновать. Будь он обычным человеком, то давно бы ломал голову над тем, как вымолить прощение у близкого друга. Но нормальные люди и не стали бы водить кого-то за нос годами.

Вэнь Шу нормальным не был. Он рассудил просто: раз ложь ранит чувства его милого дружка, значит, тот никогда не должен узнать правды. Притворяться слепым хлопотно, но это куда проще, чем укрощать чужую ярость. Он без колебаний выбрал легкий путь, тем паче что роль калеки сулила сплошные удовольствия.

Так что он со спокойной совестью принялся натаскивать прислугу в усадьбе, чтобы те привыкли ухаживать за незрячим господином.

И хотя на душе у него все еще скребли кошки, предвкушение скорой встречи придавало сил и не позволяло внутреннему зверю снова вырваться на свободу.